

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-24-42

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ЖИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

В.А. Смирнов, докт. социол. наук, доц., проректор по стратегическим коммуникациям Костромского государственного университета, ул. Дзержинского, д. 17, г. Кострома, Российская Федерация, 156005*

В статье анализируются особенности социального самочувствия жителей российской провинции, исследуются релевантные факторы, оказывающие влияние на его уровень и направленность.

Автор указывает на то, что социокультурные особенности периферии имеют существенное значение для субъективного восприятия людьми успешности своей жизни. В статье делается вывод о том, что социальное самочувствие жителей российской провинции в значительной степени определяется возрастом респондентов. Россияне среднего и старшего возраста значительно реже воспринимают свой социальный статус как высокий, редко имеют высокую самооценку и видят возможности для самореализации в будущем.

На социальное самочувствие жителей российской провинции также оказывают существенное влияние уровень образования, готовность к постоянному саморазвитию и образованию на протяжении всей жизни, субъективная оценка собственного материального благополучия, а также степень социальной интеграции человека и поддержка его со стороны ближайшего окружения и местного сообщества.

На основании проведенного анализа делается вывод о низкой эффективности социальной политики Российского государства и общества, необходимости развития социальных институтов, ориентированных на формирование у жителей России компетенций “заботы о себе” на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: социальное самочувствие, российская провинция, жизнестойкость, социальная политика.

* Смирнов Владимир Алексеевич, e-mail: kano_igt@mail.ru

FACTORS OF PUBLIC WELL-BEING OF RESIDENTS OF THE RUSSIAN PROVINCE

Smirnov Vladimir A., Doctor of Sociology, Associate Professor, Vice-Rector for Strategic Communications, Kostroma State University, st. Dzerzhinsky, d. 17, Kostroma, Russian Federation, 156005, e-mail: kano_igt@mail.ru

The article analyzes the features of the social well-being of the residents of the Russian province, examines the relevant factors that influence its level and direction.

The author points out that the socio-cultural features of the periphery are essential for people's subjective perception of the success of their lives. The article concludes that the social well-being of residents of the Russian province is largely determined by the age of the respondents. Middle-aged and older Russians are much less likely to perceive their social status as high, rarely have high self-esteem, and see opportunities for self-realization in the future.

The social well-being of residents of the Russian province is also significantly influenced by the level of education, readiness for continuous self-development and education throughout life, subjective assessment of their own material well-being, as well as the degree of social integration of a person and support from the immediate environment and the local community.

Based on the analysis, the author concludes that the social policy of the Russian state and society is not very effective, and that it is necessary to develop social institutions that focus on the formation of "self-care" competencies for Russian residents throughout their lives.

Key words: social well-being, Russian province, resilience, social policy.

Введение

Социальное самочувствие традиционно выступает валидным индикатором изменений, происходящих в том или ином обществе. Направленность социальных ожиданий людей, самооценка ими своего благополучия и статуса, социальный оптимизм или пессимизм по поводу будущего, все это позволяет увидеть латентные процессы, которые наряду с очевидными социальными и экономическими индикаторами позволяют определить текущее состояние конкретного сообщества.

Концептуально понятие "социальное самочувствие" чаще всего описывается как один из важнейших элементов социальных настроений, характеризующих совокупность факторов, определяющих дискурсивное и практическое поведение той или иной социальной группы или общества в целом¹. При этом, в отличие от социального настроения, которое описывает аффективные, эмоциональные со-

¹ Тощенко Ж.Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.

стояния того или иного сообщества, термин “социальное самочувствие” репрезентирует когнитивные и поведенческие характеристики жизненной стратегии человека. “Социальное самочувствие — это интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, субъективных ее сторон. Социальное самочувствие понимается как синдром сознания, отражающий соотношение между уровнем притязаний и степенью удовлетворения потребностей субъекта, которые представлены как когнитивные формирования. Мы склонны рассматривать социальное самочувствие как важный механизм рефлексивного социального знания, используемого агентом социального действия в организации социального типа”².

Феномен социального самочувствия тесным образом связан с понятием общественное (социальное) здоровье³, уровень которого становится, несомненно, важным индикатором удовлетворенности людей своей жизнью.

Традиционно феномен социального самочувствия рассматривается в российской социологии как применительно к обществу в целом⁴, так и к отдельным социальным группам. Это и социальное самочувствие российской молодежи⁵, и особенности самовосприятия и самооценки людей старшего поколения⁶, и анализ социального самочувствия отдельных профессиональных групп россиян⁷.

² Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.

³ См. например: Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.

⁴ См. например: Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–60; Лапин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 1. С. 121–145; Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.

⁵ Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992; Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляции. М., 2015; Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.

⁶ Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79; Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М., 2002; Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / Под ред. Н.М. Байкова, Л.В. Кашириной. Хабаровск, 2012.

⁷ Ахметшина Е.Р., Ключева Т.В., Полетаева О.В. Образ жизни и социальное самочувствие свободно занятых работников: межрегиональное сравнение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 172–193; Рубина Л.Ф. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.

В западной социологии для анализа социального самочувствия используется понятие “субъективное благополучие”, которое в большей степени носит социально-психологический характер и проявляется в трех компонентах: когнитивный (это отношение к себе и окружающей действительности, удовлетворенность жизнью), позитивный и негативный аффект (как комплекс реакций на события внешней среды)⁸.

Таким образом, можно констатировать, что и в российской, и в западной социальной науке феномен социального самочувствия рассматривается скорее как социальный аттитюд (социальная установка), который проявляет себя на трех уровнях: когнитивном (отношение к себе, своему социальному статусу), аффективном (эмоциональное восприятие ситуации, уверенности в своих силах и способностях изменить социальную ситуацию) и поведенческом (социальное поведение, ориентированное на изменение своего социального положения).

Не смотря на широкий спектр работ, посвященных проблемам социального самочувствия, в отечественной социологии по-прежнему не хватает эмпирических исследований, ориентированных на изучение особенностей жизнедеятельности россиян, проживающих в социокультурном пространстве провинции. Ранее мы неоднократно отмечали тот факт, что жизненные возможности, жизненные траектории и стили жителей периферии значительно отличаются от жизненных стратегий и повседневных практик жителей столицы и мегаполисов. Это, несомненно, оказывает влияние и на социальное самочувствие жителей российской провинции, анализу которого и посвящена настоящая статья.

Информационная база исследования

В основу данной статьи положены результаты “Мониторинга социального самочувствия населения — 2018”, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 2018 г. Методология исследования — массовый репрезентативный анкетный опрос, выборка — 1600 человек. Исследование проведено в 27 регионах РФ. Первичные данные исследования находятся в открытом доступе на портале социологических

⁸ См.: Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // *Psychological Bulletin*. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855; Ryff C., Singer B. Know thyself and become what you are: A eudaimonic approach to psychological well-being // *Journal of Happiness Studies*. 2008. Vol. 9 (1). P. 13–39.

данных РАНХИГС⁹. Для настоящей статьи из выборки были исключены записи, касающиеся жителей Москвы, Московской области и Санкт-Петербурга. Для обработки и анализа данных использован свободно распространяемый язык программирования R.

Восприятие своего положения в обществе

Важный индикатор социального самочувствия — это степень включенности человека в социальные процессы, субъективная оценка своего положения в обществе, и его динамика. В данном случае речь не идет о формальном социальном статусе, а скорее о восприятии своего положения в обществе, которое измеряется не обязательно каким-то внешними индикаторами. Дело не в том, обладает ли человек какими-либо социальными ресурсами, высоким материальным благосостоянием, доступом к власти или занимает престижную социальную позицию. Важным является то, вовлечен ли он в какие-либо социальные процессы, ощущает ли себя частью сообщества и насколько это ощущение формирует его социальный оптимизм. Именно эти, во многом субъективные характеристики, формируют общую картину социального самочувствия. Участникам исследования было предложено оценить свое положение в обществе. Распределение ответов на данный вопрос в зависимости от возраста респондентов представлено на рис. 1.

На рис. 1 мы можем видеть то, каким образом изменяется субъективная оценка своего социального положения респондентами в зависимости от возраста. Социальный пессимизм (снижение высоких и рост низких оценок своего положения в обществе) возрастает в зависимости от возраста респондентов. При этом, на графике видно, что динамика субъективной оценки своего социального положения имеет очень выраженный характер (проведенный тест Краскела-Уоллеса позволяет констатировать статистически значимые различия в оценках между людьми разного возраста). Наибольший социальный оптимизм демонстрируют молодые люди, начиная с 18 лет и примерно до 31 года, после чего начинается постепенное снижение высоких оценок, при этом примерно с 45 лет происходит существенный рост числа респондентов, характеризующих свое положение в обществе как “низкое”. Средние оценки остаются практически неизменными во всех возрастных группах.

⁹ Мониторинг социального самочувствия населения — 2018. URL: <https://social.ranepa.ru/tsentry-i-instituty/institut-sotsialnogo-analiza-i-prognozirovaniya/issledovaniya/89-monitoring-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-2018> (дата обращения: 01.02.2020).

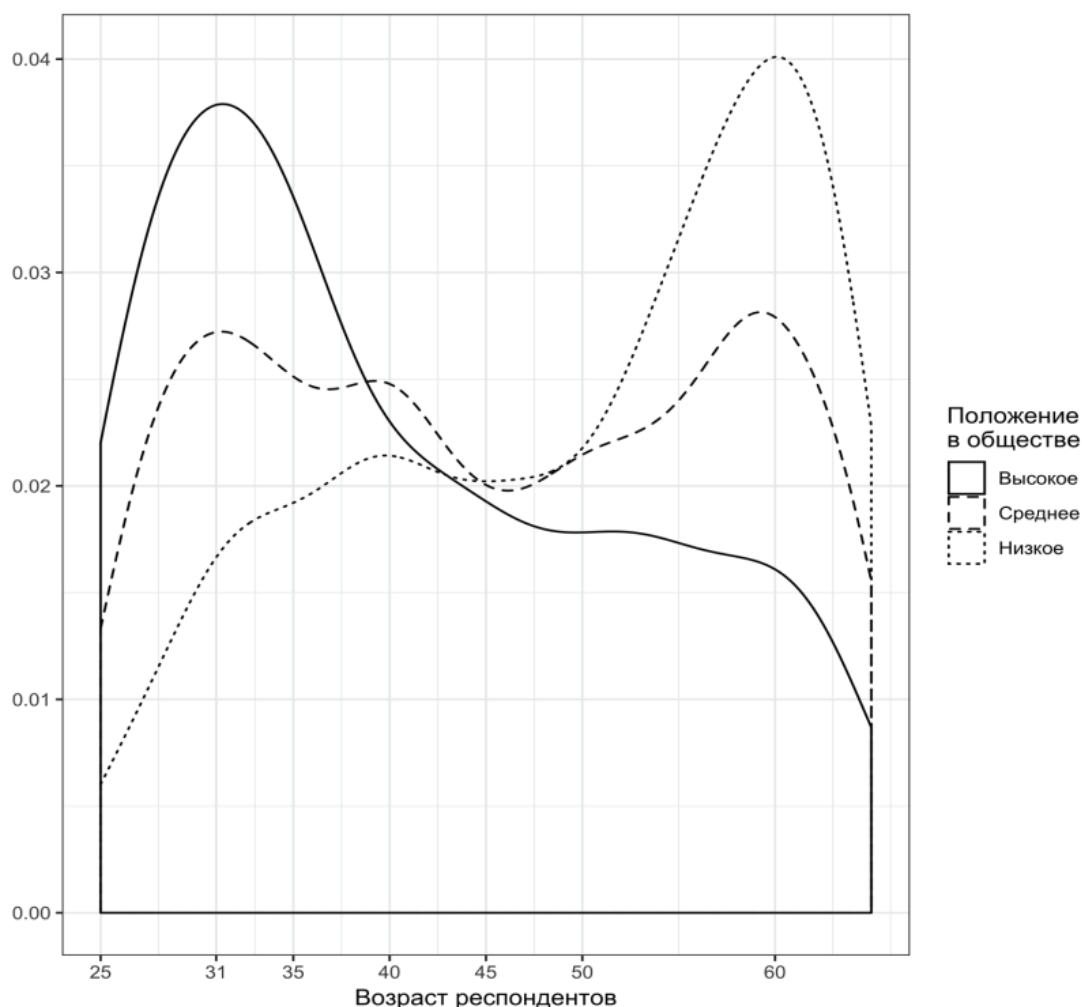

Рис. 1.

Что иллюстрирует данная ситуация?

Во-первых, мы можем констатировать, что “социальный оптимизм молодости”, ощущение включенности в социальные процессы, ожидание или обладание высоким социальным статусом, которые демонстрируют молодые люди, вступают в противоречие с имеющейся социальной структурой российского общества, отсутствием институтов “социального сопровождения” человека на протяжении всей его жизни. Мы неоднократно обращали внимание¹⁰ на тот факт, что государственная и общественная система сопровождения молодежного транзита (молодежная политика) России во многом дисфункциональна и функционирует в большинстве своем в акционно-мероприятийном формате, нежели как механизм вторичной социализации молодого человека и подготовки его к жизни в статусе “взрослого”. Тот факт, что субъективная оценка своего социального положения снижается начиная с 30-летнего возраста, свидетельству-

¹⁰ Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.

ет о том, что значительная часть провинциалов в первые десятилетия самостоятельной жизни не смогла получить необходимые компетенции для успешной жизнедеятельности в среднем и старшем возрасте.

Во-вторых, представленный график демонстрирует тот факт, что сегодня в нашей стране отсутствует политика и институты народосбережения. Несмотря на то, что данная тематика достаточно активно актуализируется в общественном дискурсе в последнее время¹¹, тем не менее, конкретных технологий, направленных на сохранение и развитие социального и человеческого капитала россиян среднего и старшего возраста, нет. Учитывая демографические процессы, происходящие в нашей стране, это может стать фактором, определяющим конкурентоспособность России в ближайшие десятилетия. В данном контексте уместным будет указать на тот факт, что в нашей стране исторически не сформировалось культуры “заботы о себе”¹², в основе которой лежит понимание важности “сопровождения себя” на протяжении всей жизни и подготовка к старости как важнейшая задача для человека молодого и среднего возрастов. Именно поэтому для России так важно развитие государственных и общественных институтов социального сопровождения людей среднего и старшего возраста, встраивания их в постоянно меняющуюся социальную реальность.

В-третьих, не менее важным представляется и тот факт, что субъективная оценка своего социального положения имеет устойчивый характер. Так в частности, молодые люди значительно чаще, чем люди среднего и старшего возраста, говорят о том, что их социальное положение в обществе выросло за последние годы, они также полагают, что оно будет продолжать расти и далее, в то время как начиная с определенного возраста значительное число жителей российской провинции считают, что их положение в обществе снизится. Средний возраст респондентов, считающих, что их социальное положение высокое, что оно повысилось, и будет повышаться далее, составляет 34 года, 52,5 года — средний возраст респондентов, которые оценивают свое место в обществе как низкое, снижающееся и имеющее тенденцию к снижению в будущем.

В-четвертых, отметим, что при оценке своего положения в обществе мы не наблюдаем значимых различий между мужчинами и женщинами, проживающими в социокультурном пространстве

¹¹ Стратегия народосбережения в Российской Федерации до 2050 года (2019). URL: <https://vrns.ru/narodozberenie/5194> (дата обращения: 01.02.2020).

¹² Осмысление концепта “забота о себе”, его генезис и динамика представлены, например, в: Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

российской провинции. Вероятно, это связано с тем фактом, что возможные гендерные различия нивелируются социокультурными факторами, связанными с особенностями жизнедеятельности в пространстве российской периферии.

Самооценка своего социального потенциала и успешности

Субъективная оценка своего положения в обществе тесным образом связана с самооценкой человека и его готовностью действовать вопреки внешним обстоятельствам. Участникам исследования бы задан вопрос: “Могут ли такие люди как вы реализовать свои возможности и свой потенциал?”. Данный вопрос репрезентирует комплексную оценку человеком самого себя, восприятие себя как “победителя” или “неудачника”. Распределение ответов на него, в соответствии с возрастом и полом респондентов представлено на рис. 2.

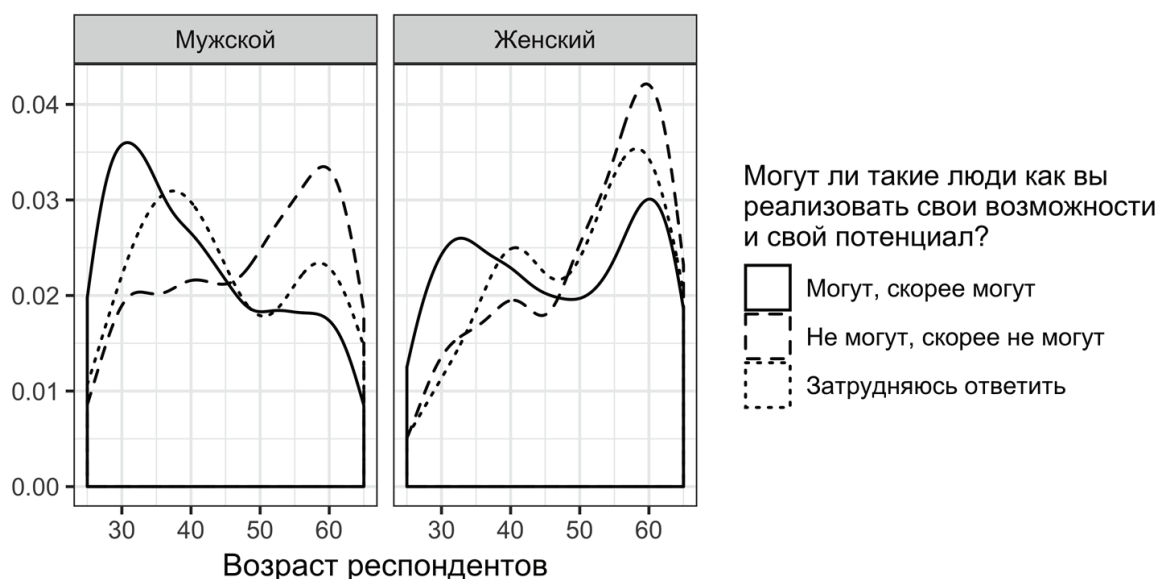

Рис. 2

Во-первых, мы можем видеть, что распределение уверенности в своих силах тесным образом связано с возрастом. Как и ранее, более оптимистичную позицию демонстрируют молодые люди, в то время как респонденты среднего и старшего возраста более умеренны в оценках.

Во-вторых, мы можем видеть, что самооценка респондентов связана с их полом. Действительно, молодые мужчины демонстрируют более высокий уровень уверенности, чем девушки, в то время как уровень неуверенности у них примерно одинаковый. Средний возраст и для мужчин, и для женщин во многом определяется сни-

жением уверенности в своих силах, но гораздо больший интерес представляет самооценка мужчин и женщин после 50 лет.

Как можно видеть, начиная примерно с 50 лет оценка своего потенциала и возможностей для реализации у женщин начинает возрастать, у мужчин такой тенденции не наблюдается. Другими словами, женщины среднего возраста в отличие от сверстников-мужчин находят внутренние ресурсы, позволяющие им более высоко оценивать свои возможности в жизни. В данном случае, по всей видимости, стоит говорить о сохранении в социокультурном пространстве российской провинции традиционных гендерных ролей. Несмотря на тот факт, что значительное число исследователей, а также СМИ и масс-культура убеждают нас в том, что мы живем в эпоху стирания гендерных границ, представленные результаты позволяют сделать противоположные выводы, по крайней мере относительно российской периферии. Для мужчины из российской провинции по-прежнему доминирующей остается карьерная, профессиональная траектория и именно поэтому возможность жизненной самореализации связана с ней. Естественным выглядит в этой ситуации снижение самооценки примерно с 50 лет, увеличение числа респондентов, полагающих, что они уже не смогут реализовать свой потенциал. Респонденты-женщины в большей степени ориентированы на реализацию себя в сфере семьи и именно 45–50-летний рубеж — это время, когда дети обретают самостоятельность, и возникает возможность для поиска себя в других сферах. Подобная гендерная жизненная динамика неоднократно выявлялась нами при анализе самых разных аспектов жизнедеятельности российского общества. Так в частности, анализируя социально-демографические особенности кандидатов и победителей выборов на должность глав местного самоуправления¹³, мы отмечали, что в среднем возрасте число женщин, участвующих в муниципальных выборах в качестве кандидатов, значительно превышает число мужчин, что, несомненно, можно рассматривать как один из механизмов реализации собственного социального потенциала. Жизненная траектория российского мужчины из провинции, по всей видимости, по-прежнему остается линейной и тесным образом связанной с профессиональной карьерой. Неспособность определенной группы мужчин среднего возраста выйти за рамки жизненного сценария приводит к снижению поисковой активности¹⁴, что, в свою

¹³ Смирнов В.А. Социологический портрет кандидатов и победителей выборов на должность главы местного самоуправления в современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 106–123.

¹⁴ Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация. М., 2015.

очередь, может быть одним из факторов того, что средний возраст жизни российского мужчины значительно меньше, нежели женщины (на 2017 г. разница между мужчинами и женщинами составляла порядка 10 лет)¹⁵. Все вышеизложенное ставит вопрос о трансформации российской социальной политики, о выделении в ней акмеологической составляющей как комплекса институтов и социальных технологий, способствующих повышению жизнестойкости россиян среднего и старшего возраста с учетом гендерных особенностей.

Как отмечается в целом ряде исследований российских социологов, сегодня в социокультурном пространстве российской провинции доминирует сценарий доживания, связанный со спадом активности, интереса к жизни, способности к самореализации и самоактуализации¹⁶. При этом, говоря о трансформации социальной политики государства в отношении людей среднего и старшего возраста, важно уметь сочетать идеи тотального контроля, сопровождения и либерализации старения¹⁷, ориентируясь скорее на создание условий для формирования сообществ пожилых людей, способных стать механизмами их самореализации и самоактуализации. Речь должна идти о своеобразном “третьем пути”, избегающем как коллективного проживания в домах престарелых, так и физического одиночества в своем опустевшем доме или квартире.

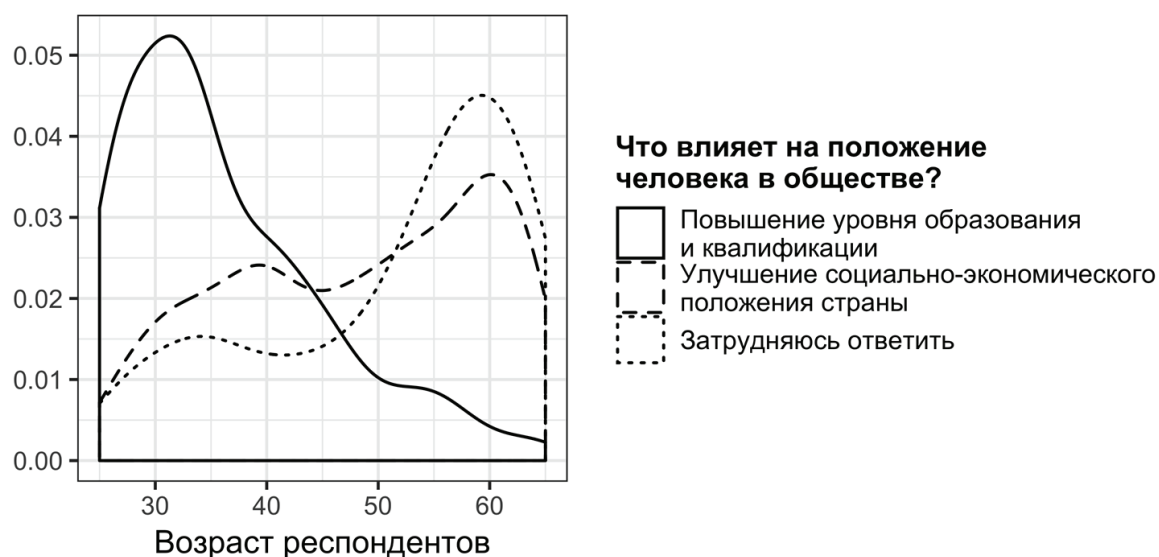

Рис. 3

¹⁵ Естественное движение населения России (2020). URL: <https://www.gks.ru/folder/12781> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁶ Рогозин Д. Пять книг о либерализации старения (2013). URL: <http://postnauka.ru/books/11075> (дата обращения: 01.02.2020).

¹⁷ См. например: *Aging in community* / Ed. by J.M. Blanchard, B. Anthony. Chapel Hill, 2013.

Не меньший интерес представляет анализ социальных механизмов, способных, по мнению респондентов, повлиять на их положение в обществе и самооценку. Представим распределение ответов респондентов на данный вопрос на рис. 3.

Для более наглядного представления стратифицирующих возрастные группы градаций признака мы убрали некоторые варианты ответа на данный вопрос, которые одинаково распределены среди всех респондентов. Представленная диаграмма позволяет сделать важные выводы.

Во-первых, отметим возрастную трансформацию локуса-контроля среди опрошенных россиян. Если повышение квалификации и уровня образования можно отнести к внутреннему локусу-контроля, то выбор параметра “улучшение социально-экономического положения страны”, несомненно, свидетельствует об экстернальности респондентов, переносе ответственности за свое положение и свой успех с внутренних факторов, на внешние, которые не зависят от самого человека. Эта трансформация не такая значительная, тем не менее, на графике видно, что начиная примерно с 45 лет, количество респондентов, связывающих свой успех и свое положение в обществе с внешним фактором (изменением в стране) возрастает.

Во-вторых, тот факт, что значительное число респондентов в среднем и старшем возрасте практически не рассматривают образование как механизм повышения собственной эффективности, является серьезной социальной проблемой российского общества. Сегодня, когда знания и компетенции устаревают в течение нескольких лет, такая ситуация является не только фактором ухудшения социального самочувствия, но и может оказывать существенное влияние на социально-экономическое развитие отдельных регионов и страны в целом. Действительно, если постоянное повышение уровня образования и квалификации не рассматривается человеком как действенный механизм реализации своего потенциала и достижения определенного положения в обществе, значит, он не будет актуализироваться, что может привести к воспроизводству в отдельных сегментах экономики и социального управления неэффективных социальных практик. В то же время, такая ситуация может быть симптомом серьезных латентных дисфункций. Если в процессе структуризации российского общества знания и компетенции не являются значимыми факторами, оказывающими влияние на воспроизводство и развитие социальной структуры, то, естественно, что и отдельный индивид в своей повседневности не будет рассматривать это как эффективный механизм самореализации. Отметим, что на уровне дискурсивных практик повышение уровня

образования, *lifelong learning*, постоянное саморазвитие и т.д. являются доминирующими конструктами, которые актуализируются ежедневно на самых разных уровнях. При этом, на практике, особенно в социокультурном пространстве российской периферии, это остается не более чем социально-одобряемым дискурсом.

В-третьих, не менее важна динамика тех, кто затруднились с ответом. Начиная, примерно с 45-летнего возраста, количество респондентов, которые не видят никаких механизмов, способных улучшить их положение в обществе, значительно увеличивается. Данная ситуация — это, с одной стороны, индикатор снижающейся жизнестойкости, отсутствия мотивации к саморазвитию и самосовершенствованию, социальной апатии и нежелания что-либо, зачастую кардинально, менять в своей жизни. Это, проявление слабой ресурсности, отсутствия важных в современном мире компетенций самоанализа, самоуправления и самоизменения. С другой стороны, это, как мы уже отмечали выше, отсутствие в нашей стране, особенно на периферии, адекватных технологий государственной социальной политики, ориентированной на интеграцию не только “особых” категорий граждан, но и людей, в силу возраста утративших внутренние ресурсы для реализации своего потенциала.

Одной из таких технологий могло бы стать “серебряное волонтерство”, которое позволяет людям старшего возраста находить новые смыслы и мотивацию для гражданского и социального участия, саморазвития и самореализации. Но как показывают наши исследования, на данный момент этот институт практически не развит в нашей стране, особенно в пространстве российской провинции.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать выводы о том, что социальное самочувствие жителей российской провинции тесным образом связано с возрастными и гендерными особенностями. Его снижение в среднем и старшем возрасте в условиях современной демографической ситуации является серьезным вызовом, стоящим перед Российским государством и институтом социальной политики.

Факторы, влияющие на социальное самочувствие

Для определения факторов, которые оказывают влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции, разделим всех респондентов на две группы. К первой отнесем тех, кто высоко оценивает свое положение в обществе, полагает, что оно будет улучшаться в будущем и имеет высокую самооценку. Во вторую группу отберем респондентов, демонстрирующих противоположные ответы.

Первый фактор, влияющий на уровень социального самочувствия, о котором мы уже неоднократно говорили, — это возраст респондентов. Как можно убедиться, молодые люди значительно чаще воспринимают свое социальное положение как высокое или среднее, в то время как респонденты старшего возраста склонны более негативно оценивать и социальную ситуацию, и самих себя. Возрастная динамика оценки собственного положения в обществе повторяет результаты, представленные выше. Действительно, из всех респондентов, которые оценивают свое положение в обществе как высокое, почти 45% — это молодые люди в возрасте до 35 лет, к 50 годам таких людей остается чуть более 25%. При этом, практически 53% респондентов старшего возраста оценивают свое положение как низкое.

Второй фактор — это уровень образования. Оценка своего положения в обществе тесным образом связана с уровнем образования (табл. 1).

Таблица 1

Влияние образования на оценку своего положения в обществе, %

Уровень образования	Высокое	Среднее	Низкое
Начальное или среднее общее (только школа)	7,06	11,82	12,87
Начальное профессиональное (окончили проф. лицей, проф. училище (ПТУ), техническую школу)	2,75	4,26	4,11
Среднее профессиональное / среднее техническое (техникум, колледж)	26,27	38,86	42,09
Незаконченное высшее (не менее 3-х полных лет обучения в вузе)	5,10	5,45	5,49
Высшее (в том числе два и более высших)	56,47	38,21	35,13
Ученая степень	2,35	1,40	0,21

Из всех респондентов, указавших на свое низкое положение в обществе, 12,87% опрошенных имеют начальное или общее среднее образование (школа), а 42,09% закончили техникум или колледж (среднее профессиональное образование). Из всех респондентов, оценивших свое положение в обществе как высокое, 56,47% имеют высшее образование.

Из представленной таблицы становится ясно, что чем выше уровень образования респондента, тем выше уровень его социального самочувствия. Отметим, что пол не оказывает статистически

значимого влияния на оценку своего положения в обществе через призму образования. Важно обратить внимание на то, как зависит субъективное восприятие качества образования и положения в обществе. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что субъективная оценка качества образования (независимо от его уровня) находится в обратной зависимости по отношению к восприятию своего положения в обществе. Так, в частности, лишь 10 и 12% респондентов, оценивших уровень школьного и профессионального образования как высокий, также рассматривают свое положение в обществе как высокое. При этом, около 33% респондентов, высоко оценивших школьное и профессиональное образование, рассматривают свое положение в обществе как низкое. Представленная ситуация еще раз подтверждает вывод, сделанный ранее о том, что система образования в нашей стране, как впрочем и институты молодежной и социальной политики не ориентированы на эффективную социализацию человека, подготовку его к взрослой жизни и развитие у него жизнестойкости.

Третий фактор тесным образом связан со вторым, но, тем не менее, может быть выделен в отдельный сегмент. Это вопрос о готовности или не готовности продолжать свое образование в течение всей жизни. Технологические, экономические, социальные изменения, происходящие в мире, требуют постоянного обновления и актуализации своих компетенций, что, несомненно, ставит вопрос об обучении на протяжении всей жизни как в формате классического образования, так и в формате, например, моос-курсов. Не вызывает сомнения и тот факт, что повышение уровня своих компетенций и квалификации (о чем мы уже писали выше) способствует более высокому социальному статусу человека. Респондентам был задан вопрос — планируют ли они в ближайшие один–два года продолжить свое образование. Полученные ответы оказались связаны с оценкой своего положения в обществе.

Таблица 2

**Готовность респондентов к продолжению обучения
в зависимости от возраста, %**

Возрастная группа	Собираетесь ли продолжить обучение?		
	Да, собираюсь	Нет, не собираюсь	Затрудняюсь ответить
Молодежь (18–35)	57,59	34,38	8,03
Средний возраст (36–50)	36,98	58,36	4,66
Старший возраст (51–65)	16,04	81,76	2,20

Так, в частности, из числа респондентов, которые планируют обучение в ближайшие годы, 46,6% и 28,2% указали на высокое и низкое положение в обществе соответственно. При этом, более 67% из числа тех, кто не собирается в ближайшие годы получать какое-либо образование, — это респонденты с низкой оценкой своего социального положения. Особый интерес представляет распределение данного параметра относительно возраста респондентов (табл. 2).

Готовность продолжать образование и повышать собственный уровень компетенций зависит от возраста респондентов и оказывает значимое влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции.

Четвертый фактор — это субъективная оценка своего материального благополучия. Очевидно, что в современных условиях, когда одним из доминирующих факторов успеха является материальное благополучие, данный фактор не может не оказывать влияния на социальное самочувствие. Люди с более высоким достатком ощущают себя более комфортно в жизни, с большей уверенностью смотрят в будущее, более высоко оценивают собственную удовлетворенность жизнью. Проведенный нами анализ позволяет констатировать, что оценка своего материального благополучия влияет на оценку своего положения в обществе (табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь субъективных оценок материального благополучия и положения, занимаемого в обществе, %

Положение в обществе	Уровень материального благополучия			
	Высокий	Средний	Низкий	Затрудняюсь ответить
Высокое	62,50	8,26	2,71	8,33
Среднее	32,89	83,33	40,90	33,33
Низкое	4,61	8,40	56,39	58,33

Те респонденты, которые указывают на свое высокое материальное благополучие, почти в 63% случаев также говорят о своем высоком положении в обществе, в то время как те, кто оценивает свое материальное положение как низкое, в 56,39% случаев указывают на низкий социальный статус. При этом, мы наблюдаем рост этой взаимосвязи с увеличением возраста респондентов.

Пятый фактор — это поддержка со стороны окружения. Участникам исследования был задан вопрос о том, насколько часто они ощущали поддержку своего окружения за последний год. Результаты

распределения ответов через призму субъективной оценки своего положения в обществе представлены в табл. 4.

Таблица 4

**Влияние социальной поддержки на оценку
своего положения в обществе, %**

Как часто вы ощущаете поддержку окружающих?	Положение в обществе		
	Высокое	Среднее	Низкое
Часто	43,92	32,60	23,63
Иногда	32,16	32,65	30,49
Редко	14,90	24,23	30,17
Не чувствовал(а) поддержку со стороны окружения	9,02	10,52	15,72

Из всех тех, кто высоко оценивает свое положение в обществе, почти 44% опрошенных говорят о том, что они ощущают поддержку окружающих часто и только 14,9% и 9% указывают на редкость или отсутствие такой поддержки (соответственно). В то же время, те респонденты, которые воспринимают свой социальный статус как низкий, в 23,63% случаев говорят о частой поддержке и в 30,17% и 15,72% случаев о редкой поддержке или ее отсутствии (соответственно). Таким образом, мы можем констатировать, что данный фактор оказывает существенное влияние на социальное самочувствие жителей российской провинции.

При этом, фактор имеет не только возрастные особенности, но и гендерные. Мужчины значительно реже ощущают поддержку со стороны окружающих, чем женщины. В частности, из числа тех, для кого поддержка ближайшего сообщества — явление частое или хотя бы происходит иногда, женщины составляют 62,66% и 59,53% соответственно. При выборе ответа “не чувствую поддержку со стороны окружения” количество мужчин и женщин практически одинаково (50,68% и 49,32% соответственно). Другими словами, и мужчины, и женщины в равной степени подвержены социальному исключению, в то время как в ситуации социального внимания со стороны окружающих женщины оказываются значительно чаще. Это обстоятельство еще раз подтверждает сформулированную выше гипотезу о том, что жизненные траектории мужчин и женщин, проживающих в социокультурном пространстве российской провинции, различны, и что женщины, начиная с определенного возраста, обладают большими личностными и социальными ресурсами для повышения уровня социального самочувствия.

Если говорить о возрастных особенностях распределения данного фактора, то наибольший интерес вызывает тот факт, что с увеличением количества лет респондентов существенно возрастает число ответов “не чувствую поддержку со стороны окружения”. Так, если в возрасте 18–35 лет данный ответ встречается в 22,62% случаев, в возрасте 36–50 лет — 26,7%, то в возрасте 51–65 лет он составляет уже 50,68%. Такая динамика показателя позволяет констатировать фактическое социальное исключение значительной части зрелых россиян, проживающих на периферии.

В то же время, отметим, что не все люди, не чувствующие поддержки ближайшего окружения, ощущают себя исключенными. Вполне вероятно, что в определенных случаях такая ситуация связана с осознанным выбором стратегии “уединения”¹⁸, которая предполагает сознательное дистанцирование пожилого человека от ближайшего сообщества. Тем не менее, понимание причин и факторов, оказывающих влияние на ситуацию одиночества пожилых россиян, проживающих в провинции, является важной задачей, как социологов, так и социальных работников, реализующих меры социальной защиты и поддержки населения.

Таким образом, социальное самочувствие россиян, проживающих в социокультурном пространстве провинции, амбивалентно и определяется целым комплексом взаимосвязанных факторов. Проведенное исследование позволяет констатировать, что в современной России слабо развиты социальные институты повышения жизнестойкости жителей, особенно это касается людей среднего и старшего возраста. Вектор социального самочувствия меняется при переходе от молодого возраста к среднему и старшему, а также определяется уровнем самооценки и образования личности. Сегодня в нашей стране как никогда актуальна системная социальная политика, ориентированная на создание условий для развития компетенций “заботы о себе” с учетом возрастных и гендерных особенностей. Наиболее актуальна эта задача в пространстве российской периферии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аршавский В.В., Ротенберг В.С. Поисковая активность и адаптация. М., 2015.
- Ахметшина Е.Р., Ключева Т. В., Полетаева О.В. Образ жизни и социальное самочувствие свободно занятых работников: межрегиональное сравнение // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 172–193.
- Воронин Г.Л. Социальное самочувствие россиян (1994–1996 гг.) // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 59–60.

¹⁸ Подробнее см. например: Gibson H.B. Loneliness in later life / Foreword by P. Laslett. N.Y., 2000.

- Давыдова Е.В. Измерение социального самочувствия молодежи. М., 1992.
- Елишев С.О. Молодежь как объект социализации и манипуляции. М., 2015.
- Ковалева Н.Г. Пожилые люди: социальное самочувствие // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 73–79.
- Краснова О.В., Лидерс А.Г. Социальная психология старости. М., 2002.
- Крупец Я.Н. Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 143–144.
- Лалин Н.И. Как чувствуют себя, к чему стремятся граждане России // Мир России. 2003. № 1. С. 121–145.
- Осипова Н.Г. Социальное конструирование общественного здоровья // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 4. С. 119–141.
- Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 50–55.
- Рогозин Д. Пять книг о либерализации старения (2013). URL: <http://postnauka.ru/books/11075> (дата обращения: 01.02.2020).
- Рубина Л.Ф. Профессиональное и социальное самочувствие учителей // Социологические исследования. 1996. № 6. С. 63–75.
- Смирнов В.А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80.
- Смирнов В.А. Социологический портрет кандидатов и победителей выборов на должность главы местного самоуправления в современной России // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2018. № 2. С. 106–123.
- Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе / Под ред. Н.М. Байкова, Л.В. Кашириной. Хабаровск, 2012.
- Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования. Коллективная монография / Под общ. ред. Ю.Р. Вишневого, Д.Ю. Нархова. Екатеринбург, 2016.
- Тощенко Ж.Т. Социальное настроение — феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб., 2007.

REFERENCES

- Aging in community / Ed. by J.M. Blanchard, B. Anthony. Chapel Hill, 2013.
- Arshavskij V.V., Rotenberg V.S. Poiskovaya aktivnost i adaptaciya [Search activity and adaptation]. M., 2015 (in Russian).
- Ahmetshina E.R., Klyueva T.V., Poletaeva O.V. Obraz zhizni i socialnoe samochuvstvie svobodno zanyatykh rabotnikov: mezhregionalnoe sravnenie [Way of life and social well-being freely employed workers: an interregional comparison] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 172–193 (in Russian).
- Davydova E.V. Izmerenie socialnogo samochuvstviya molodezhi [Measurement of social well-being of youth]. M., 1992 (in Russian).
- Elishev S.O. Molodezh kak obekt socializacii i manipulyacii [Youth as an object of socialization and manipulation]. M., 2015 (in Russian).
- Fuko M. Germenevtika subekta: kurs lekciy, pročitannykh v Kollezh de Frans v 1981–1982 uchebnom godu [Hermeneutics of the subject: a course of lectures delivered at the Collège de France in the academic year 1981–1982.]. SPb., 2007 (in Russian).
- Gibson H.B. Loneliness in later life / Foreword by P. Laslett. N.Y., 2000.

Kovaleva N.G. Pozhilye lyudi: socialnoe samochuvstvie [Elderly people: social well-being] // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. N 7. S. 73–79 (in Russian).

Krasnova O.V., Lidars A.G. Socialnaya psihologiya starosti [Social psychology of old age]. M., 2002 (in Russian)

Krupec Ya.N. Socialnoe samochuvstvie kak integralnyj pokazatel adaptirovannosti [Social well-being as an integral indicator of adaptability] // Sociologicheskie issledovaniya. 2003. N 4. S. 143–144 (in Russian).

Lapin N.I. Kak chuvstvuyut sebya, k chemu stremyatsya grazhdane Rossii [How do Russian citizens feel and strive for?] // Mir Rossii. 2003. N 1. S. 121–145 (in Russian).

Lyubomirsky S., King L., Diener E. The benefits of frequent positive affect: does happiness lead to success? // Psychological Bulletin. 2005. Vol. 131. N 6. P. 803–855.

Osipova N.G. Socialnoe konstruirovanie obshestvennogo zdorovya [Social construction of public health] // Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya. 2016. N 4. S. 119–141 (in Russian).

Petrova L.E. Socialnoe samochuvstvie molodezhi [Social well-being of youth] // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. N 12. S. 50–55 (in Russian).

Rogozin D. Pyat knig o liberalizacii starenia (2013) [Five books on the liberalization of aging (2013)]. UPL: <http://postnauka.ru/books/11075> (data obrasheniya: 01.02.2020) (in Russian).

Rubina L.F. Professionalnoe i socialnoe samochuvstvie uchitelej [Professional and social well-being of teachers] // Sociologicheskie issledovaniya. 1996. N 6. S. 63–75 (in Russian).

Ryff C., Singer B. Know thyself and become what you are: a eudaimonic approach to psychological well-being // Journal of Happiness Studies. 2008. Vol. 9 (1). P. 13–39

Smirnov V.A. Molodezhnaya politika: opyt sistemnogo opisaniya [Youth policy: experience of system description] // Sociologicheskie issledovaniya. 2014. N 3. S. 72–80 (in Russian).

Smirnov V.A. Sociologicheskij portret kandidatov i pobeditelej vyborov na dolzhnost glavy mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii [Sociological portrait of candidates and winners of elections for the post of head of local government in modern Russia] // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2018. N 2. S. 106–123 (in Russian).

Socialnoe samochuvstvie i polozhenie pozhilyh lyudej v regione [Social well-being and the situation of older people in the region] / Pod red. N.M. Bajkova, L.V. Kashirinoj. Habarovsk, 2012 (in Russian).

Socialnoe samochuvstvie molodezhi Sverdlovskoj oblasti v 2015 godu: itogi sociologicheskogo issledovaniya: kollektivnaya monografiya [Social well-being of the youth of the Sverdlovsk region in 2015: results of a sociological study: a collective monograph] / Pod obsh. red. Yu.R. Vishnevskogo, D.Yu. Narhova. Ekaterinburg, 2016 (in Russian).

Toshenko Zh.T. Socialnoe nastroyenie — fenomen sovremennoj sociologicheskoy teorii i praktiki [Social mood-a phenomenon of modern sociological theory and practice] // Sociologicheskie issledovaniya. 1998. N 1. S. 21–35.

Voronin G.L. Socialnoe samochuvstvie rossiyan (1994–1996 gg.) [Social well-being of Russians (1994–1996)] // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. N 6. S. 59–60 (in Russian).